

Научная статья

УДК 398.224(=512.122)

DOI 10.25587/2782-4861-2026-3-5-20

КОРОТКОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ В КАЗАХСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ ЭПОХИ *НОГАЙЛЫ*, КАЗАХО-ДЖУНГАРСКИХ ВОЙН И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

У. М. Агатай¹, Б. Абдыгалиулы², Ж. М. Сабитов³¹Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан
e-mail: agatayotkirbay@gmail.com²Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан
e-mail: aberik.kz@gmail.com³Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан
e-mail: zh.sabitov@gmail.com

Аннотация. Исследование вооружения тюркоязычных и монголоязычных народов Евразийской степи позднего Средневековья, Нового времени и этнографического периода является важной научной проблемой. В этой связи особую актуальность приобретает комплексное изучение сведений о вооружении, содержащихся в памятниках устного народного творчества, прежде всего в героическом эпосе в сопоставлении с данными других видов источников. *Целью* настоящего исследования является выявление и атрибуция короткоклинкового колюще-режущего оружия в казахских героических эпосах, а также его корреляция и сопоставление с аналогичными типами вооружения тюркских воинов-кочевников Великой степи по письменным и вещественным источникам. *Материалы и методы.* Основу исследования составляют ранее не введенные в научный оборот материалы казахского героического эпоса. Для их интерпретации привлекались письменные, вещественные (в т. ч. музейные) и др. источники. Методика исследования основана на комплексном подходе к изучению источников с использованием сравнительно-описательного метода, а также методов верификации, корреляции, анализа и перевода фольклорных текстов. *Результаты.* В результате анализа источников были выявлены и атрибутированы основные термины и словосочетания, использовавшиеся в казахском героическом эпосе для обозначения короткоклинкового колюще-режущего оружия. В исследовании рассмотрены история данного вида оружия, особенности его применения в поединке, метафорические характеристики, роль в практике дарообмена, а также языковые параллели с другими тюркскими языками, в частности с якутским, и др. аспекты. Проведено описание ранее не введенного в научный оборот кинжала из фондов Национального музея Республики Казахстан. Предпринята попытка сопоставления эпизодов героических сказаний, в которых отражены дружественные отношения между казахскими и калмыцкими батырами, с данными трудов японских исследователей о существовании союзнических связей между военно-политическими элитами казахов и ойратов. *Выводы.* В результате исследования установлено, что короткоклинковое колюще-режущее оружие упоминаемое в казахском эпосе соответствует кинжалам и ножам, известным по письменным и вещественным источникам. Выявлено также, что отраженные в рассмотренных эпосах элементы военно-материальной культуры и сведения о политических, военных и иных взаимоотношениях соответствуют реалиям Казахстана и сопредельных территорий в Новое время и этнографического периода.

Ключевые слова: казахский героический эпос; короткоклинковое оружие; Великая степь; казахи; ойраты; японский исследователь; история Казахстана; Евразия

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках научной программы BR28713777 «Новые источники по истории и географии Казахстана: анализ, перевод и ввод в научный оборот».

Для цитирования: Ағатай У. М., Абдығалиұлы Б., Сабитов Ж. М. Короткоклинковое оружие в казахском героическом эпосе эпохи ногайлы, казахо-джунгарских войн и этнографического времени. *Эпосоведение*. 2026, 3(43), С. 5–20. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-5-20>

Original article

Short-bladed weapons in Kazakh heroic epics of the *Ногайлы* era, the Kazakh-Dzhungar wars, and the ethnographic period

Otkirbay M. Agatay¹, Berik Abdigaliuly², Zhaxylyk M. Sabitov³

¹National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
e-mail: agatayotkirbay@gmail.com

²National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
e-mail: aberik.kz@gmail.com

³Research Institute for Jochi Ulus studies, Astana, Kazakhstan
e-mail: zh.sabitov@gmail.com

Abstract. The study of the weaponry of the Turkic and Mongolic peoples of the Eurasian Steppe during the Late Middle Ages, the Early Modern Period, and the ethnographic period constitutes an important scholarly problem. In this regard, particular significance is attached to the comprehensive examination of information on weapons preserved in oral folk traditions, primarily in heroic epics, in comparison with data from other types of sources. The aim of the present study was to identify and attribute short-bladed thrusting and cutting weapons mentioned in Kazakh heroic epics, as well as to correlate and compare them with analogous types of weapons used by Turkic nomadic warriors of the Great Steppe on the basis of written and material sources. *Materials and Methods.* The study was based on materials from Kazakh heroic epics that have not previously been introduced into scholarly discourse. Their interpretation was undertaken through the analysis of written, material and other sources. An integrated approach to source analysis was employed, incorporating comparative and descriptive methods as well as methods of verification, correlation, analysis, and translation of folkloric texts. *Results.* The analysis of the sources made it possible to identify and attribute the principal terms and expressions used in Kazakh heroic epics to designate short-bladed thrusting and cutting weapons. The study examines the history of this type of weapon, the specific features of its use in combat, its metaphorical characteristics, its role in gift-exchange practices, as well as linguistic parallels with other Turkic languages, particularly Yakut, and other related aspects. A dagger from the collections of the National Museum of the Republic of Kazakhstan, which have not previously been introduced into scholarly circulation, is described. An attempt was also made to correlate episodes depicting friendly relations between Kazakh and Kalmyk *batırs* with the findings of Japanese scholars concerning the existence of allied ties between the military and political elites of the Kazakhs and the Oirats. *Conclusions.* The study demonstrates that the short-bladed thrusting and cutting weapons correspond to daggers and knives known from written and material sources. It was also established that the elements of military material culture and the information on political, military, and other forms of interaction reflected in the examined epics correspond to the historical realities of Kazakhstan and adjacent territories during the Early Modern and ethnographic periods.

Keywords: Kazakh heroic epic; short-bladed weapons; Great Steppe; Kazakhs; Oirats; Japanese scholar; history of Kazakhstan; Eurasia

Funding: The research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the research program BR28713777 “New sources on the history and geography of Kazakhstan: analysis, translation and introduction into scientific circulation”.

For citation: Agatay, O. M., Abdigaliuly B., Sabitov, Zh. M. Short-Bladed Weapons in Kazakh Heroic Epics of the *Ногайлы* Era, the Kazakh-Dzhungar Wars, and the Ethnographic Period. *Eposovedenie*. 2026, 3(43), pp. 5–20 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-5-20>

Введение

В традиционном комплексе вооружения кочевников Казахстана и сопредельных территорий позднего Средневековья и Нового времени особое место занимали короткоклинковые колюще-режущие оружия. Поэтому изучение значения данного вида оружия в материальной культуре тюрко-монгольских народов Евразии, в т. ч. казахского народа, а также его места в традиционном комплексе вооружения представляет важную научную проблему.

Специальных научных работ, посвященных этой теме, сравнительно немного. Так, во второй половине XIX в. Ч. Ч. Валиханов в труде «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи» (Валиханов, 1985) впервые исследовал традиционное вооружение казахов, где затронул вопросы, связанные с короткоклинковым оружием. В 1978 г. В. П. Курылев в статье «Оружие казахов» (Курылев, 1978), опираясь на материалы музейных коллекций, рассмотрел сведения о казахских ножах.

В результате комплексных исследований, К. С. Ахметжан впервые подготовил фундаментальные труды, посвященные традиционному вооружению казахского народа. К их числу относятся монография «Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері)» (Ахметжанов, 1996) и «Этнография традиционного вооружения казахов» (Ахметжан, 2007), где оружие рассматривалось на основе письменных, музейных, археологических, иконографических и фольклорных источников. В 2013 г. А. К. Кушкумбаев опубликовал статью «Клинковое оружие воинов Золотой Орды: мечи, палаши, сабли, кинжалы, ножи (проблемы изучения)» (Кушкумбаев, 2013), посвященную оружию тюрко-монгольских кочевников Улуса Джучи.

К. С. Ахметжан опубликовал ряд специальных работ, а именно статью «Казахские традиционные ножи (особенности и типология)» (Ахметжан, 2017) и «Казахские кинжалы и тесаки (исследование на основе музейных и иконографических материалов)» (Ахметжан, 2021). Во всех указанных работах казахские фольклорные материалы привлекались лишь частично, выполняя роль дополнительного, вспомогательного источника, и не использовались в полном объеме. Вместе с тем, до настоящего времени отсутствуют комплексные исследования короткоклинкового оружия народов Казахстана и сопредельных территорий, основанные на материалах казахского героического эпоса. В связи с этим, представляется необходимым обратиться к героическим эпосам для введения в научный оборот содержащихся в них сведений о короткоклинковым колюще-режущем оружии.

Материалы и методы

Основу исследования составляют героические эпосы казахов. Первую группу исследуемых эпических произведений образует «ногайлинский» цикл. Данные эпосы отражают исторические реалии поздней Золотой Орды и начала постордынского периода, поэтому в казахской устной традиции они сохранились как эпосы эпохи «ногайлы» (Уалиев, Кушкумбаев, 2024). В эту группу входят: *Қырымның қырық батыры*, *Қарасай*, *Қази*, *Тарғын батыр*, *Қисса Қамбар*, *Қисса Нәрікбай-Шора* и др. Следующую группу составляют эпосы казахо-джунгарских войн XVIII в. К ним относятся: *Ел қормалы – Ер Абылай*, *Бөгенбай батыр*, *Мырқы батыр*, *Жапал батыр мен Таңшебер қыз*, *Жантай батыр*. Последнюю группу составляют эпосы этнографического периода, бытовавшие среди казахов в XIX в. К ним относятся: *Ағыбай батыр*, *Мырзаиш батыр*, *Тәутік батыр*, *Базар батыр*, *Арқалық батыр* и др. К числу письменных источников относятся сообщение А. Вамбери, М. Броневского, Я. П. Гавердовского, Ч. Ч. Валиханова, Н. Н. Каразина, А. И. Левшина, а также труды Ю. Баласагуни (*Құтадғу билиг*) и М. Кашгари (*Диван лугат ат-Турк*), словари В. В. Радлова и др. В качестве вещественных источников привлечен буддийский кинжал (инв. № ҚРҰМ уқ ТК19 32392) из собрания Национального музея Республики Казахстан.

Методы исследования основаны на типологическом и сравнительно-описательном, а также на верификации и корреляции полученных результатов, переводе и анализе фольклорных источников. В ходе анализа короткоклинкового оружия применялся комплексный метод,

основанный на сопоставлении фольклорных, письменных и вещественных источников (Ағатай, Сабитов, 2022; Бобров, Ағатай, 2023). В исследовании используются классификации, типологии и терминологический аппарат, разработанные оружейоведами К. С. Ахметжаном, Ю. С. Худяковым и Л. А. Бобровым (Ахметжан, 2007; Бобров, Худяков, 2008).

Результаты исследования

В казахских героических эпосах короткоклинковое колюще-режущее оружие обозначается терминами *қанжар* («кинжал»), *пышақ* («нож»), *бұйда-пышақ* («нож-бұйда») и *кездік* («нож-кездік»). Помимо них, встречаются многочисленные названия, относящиеся к кинжалам и ножам, как *алтын сапты қанжар* («кинжал с золотой рукоятью»), *күміс сапты қанжар* («кинжал с серебряной рукоятью»), *екі жүзді қанжар* («двулезвийный кинжал»), *шұбар тас қанжар* («кинжал из пестрого камня»), *бүктемелі қанжар* («складной кинжал»), *екі бүктемелі қанжар* («двускладной кинжал»), *сары ала сесті қанжар* («пестро-желтый грозный кинжал»), *алмас пышақ*, («нож из булатной стали»), *болат пышақ* («булатный нож»), *қожаңты пышақ* («нож-қожаңты»), *бұйда пышақ*, («нож-бұйда»), *орақ пышақ* («нож-серп»), *асыл кездік* («благородный нож-кездік»), *асыл құрыш сар пышақ* («желтый нож из благородной стали»), *алтын кездік* («золотой нож-кездік»), *болат кездік* («булатный нож-кездік») и др.

Кинжалы и ножи выполняли вспомогательные функции в составе комплекса вооружения кочевников-воинов, а также в ходе рукопашного боя¹. А в мирное время они широко использовались в хозяйственной деятельности, что свидетельствует о полифункциональной роли этого оружия. Колюще-режущее оружие – кинжал в казахском языке обозначается термином «қанжар»². Данный термин в казахской традиционной военной лексике заимствован из персидского *خاندجار* *ханджар* (Рустемов, 1989: 156), однако его корень восходит к арабскому языку. В язык мусульманских народов Средней Азии он проник в XI–XII вв., в период существования государства Хорезмшахов (Лосева-Бахтиярова, 2005: 105). Арминий Вамбери, побывавший в Средней Азии в 1860-е гг., отмечал, что у народов Средней Азии, в т. ч. у казахов, кинжал обозначается термином *khanzar* (История Казахстана, 2006: 290).

В героических эпосах кинжал выступает одним из наиболее часто упоминаемых видов колюще-режущего оружия. В военной практике кинжал использовался преимущественно в ближнем бою и выполнял вспомогательную функцию. Например, в эпосе *Ел қормалы – Ер Абылай* в рукопашной схватке Жанибек-батыра с джунгарским Холон-багатуром кинжал становится последним оружием поединка: *Біреуі қалқан тосып, бірі ұрғанда, / Қанжарласты, айла іздеп дағдарысты* (Бабалар сөзі, 2006b: 92). «Один щит подставлял, а другой наносил удар, / Сражаясь кинжалами, пытались одолеть друг друга»³.

Согласно свидетельству польского дворянина конца XVI в. Мартина Броневского, среди военной элиты и степных воинов импортные кинжалы были широко распространены и пользовались значительной популярностью: «Татары употребляют на войне оружие... именно: копье,

¹ В оружейоведении существуют различные, порой противоположные подходы к определению понятий «кинжал» и «нож». Так, М. В. Горелик, А. К. Кушкумбаев и Л. А. Бобров относят к «боевым ножам» короткое однолезвийное колюще-режущее оружие, тогда как «кинжал» определяют, как короткое, прямое двулезвийное колюще-режущее оружие. В свою очередь, Ю. С. Худяков под термином «кинжал» понимает используемое в традиционной культуре оружие ближнего боя, которое может быть как прямым, так и изогнутым, а также как однолезвийным, так и двулезвийным клинком. Кроме того, «ножи» нередко представлены не только однолезвийными, но и двулезвийными образцами колюще-режущего оружия. В связи с этим термин «кинжал» может применяться и к короткому однолезвийному оружию (Бобров, Худяков, 2008: 284).

² Согласно исследованиям Д. Ю. Милосердова, под *ханджаром* понимается определенный тип колюще-режущего оружия, представленный индийским и персидским типами, различающимися конструкцией рукояти и формой клинка: индийский вариант характеризуется рукоятью пистолетного типа, двойным изгибом и обоюдоострым клинком, тогда как персидский – катушкообразной рукоятью и слегка изогнутым клинком (Милосердов, 2022: 309). Согласно определению казахского оружейоведа К. С. Ахметжана, «кинжал – это короткоклинковое колюще-режущее оружие с тонким или широким, прямым или изогнутым, одно-двулезвийным клинком и рукоятью для одной руки» (Ахметжан, 2007: 104; Ахметжан, 2021: 385).

³ Здесь и далее перевод У.М. Ағатай

кривую и длинную татарскую саблю, турецкий кинжал или персидский, короткий и широкий из отличного железа...» (Записки, 1867: 365).

Однако, на наш взгляд наряду с импортными кинжалами, в позднем Средневековье и особенно в Новое время, вплоть до этнографического периода, у тюркских народов Дешт-и-Кыпчака, Средней Азии, черкесов и других горских народов Кавказа кинжалы как оружие ближнего боя, как правило, изготавливались в местных мастерских. При этом они нередко богато декорировались, выполняя не только утилитарную функцию, но и служа показателем социального статуса владельца, а также неся эстетическую и семантическую нагрузку, соответствующую утонченным представлениям о вкусе (Ахметжан, 2007: 159–167; Милосердов, 2022: 302, 303, 305, 308).

Кроме того, кинжалы военно-политической элиты и состоятельных воинов казахских и среднеазиатских ханств украшались драгоценными металлами (*алтын сапты қанжар* – «кинжал с золотой рукоятью», *күміс сапты қанжар* – «кинжал с серебряной рукоятью»), что нашло отражение в творчестве степных сказителей-*жырау*. Например, в эпосе *Қырымның қырық батыры*, рукоять кинжала Кокше-батыра украшена золотом: *Алтын сапты қанжармен, / Тамағынан тіледі* (Бабалар сөзі, 2008: 226). «Кинжалом с золотой рукоятью, / Он перерезал ему горло».

Помимо данного примера, в эпосе *Бөгенбай батыр* сказитель Маянбай сообщает, что рукоять кинжала Тыныбека была выполнена из серебра: *Ұмтылды ұрысуга тәуекел деп, / Қанжарын күміс сапты қолына алды* (Бабалар сөзі, 2006b: 152). «Рискнув, он устремился в бой, / Взяв кинжал с серебряной рукоятью».

Данные примеры подтверждаются вещественными источниками. Анализ музейных предметов показывает, что рукояти казахских кинжалов и ножей изготавливались из дерева, рогов сайги и козы, а для повышения прочности и декоративной выразительности они укреплялись металлическими накладками и оформлялись медью и серебром (Курылев, 1978: 13–14).

В позднем Средневековье и Новое время казахи не только приобретали кинжалы извне или получали их в качестве трофеев, но и делали их сами. Согласно сведениям Ч. Ч. Валиханова, казахи сами производили кинжалы, а также использовали хивинские маленькие ножи. Данное оружие носилось не на перевязи, как у народов Кавказа, и не за поясом, как у ряда других народов Азии, а закреплялось на поясе в вертикальном положении (Валиханов, 1985: 36).

В эпосе казахские кинжалы отличались высокой степенью остроты. Так, например, в эпосе *Мырқы батыр* описывается чрезвычайно острый кинжал героини по имени Куляим: *Бар еді бір қанжары тығып жүрген, / Кесетін кісенді де, құлтын да* (Бабалар сөзі, 2010a: 307). «У нее есть кинжал, скрываемый при себе, / Способный рассечь и оковы, и их замок».

Как отмечал российский военный второй половины XIX в. Н. Н. Каразин, побывавший в Средней Азии и Казахстане и оставивший описания вооружения (в данном случае характеризуюя длинноклинковое оружие) народов указанных регионов: «Здесь батырь считает лучшим достоинством клинка остроту; оттачивает его как бритву...» (Каразин, 1874: 234). Это свидетельствует о том, что воины-батыры придавали первостепенное значение функциональным качествам оружия (прежде всего клинка), а не его декоративному оформлению.

Примечательно, что акцент на остроте оружия в якутских героических сказаниях, по-видимому, представляет собой общий мотив характерный для тюркских героических эпосов в целом. Так, в якутском героическом сказании «Элик Боотур» упоминается оружие «закаленный болот» (*хатан болот*) и «острый булат» (*сытыы болот*) (Борисов, 2025: 196).

По данным фольклорных материалов, казахские кинжалы изготавливались из стали, с широким лезвием. Так, данное описание встречается в эпическом сказании *Жапал батыр мен Таңшебер қыз*, сформировавшемся в эпоху казахско-джунгарских войн: *Ажалыңа арналған, / Қанжар мен болат кең соққан* (Бабалар сөзі, 2010c: 82). «Гибели твоей предназначенный, Кинжал, широко выкованный из стали».

Кроме того, казахские кинжалы изготавливались двулезвийными (*екі жүзді қанжар*), что подтверждается фольклорными материалами. Так, сказитель в эпосе *Ағыбай батыр*

акцентирует внимание на двулезвийности кинжала: *Қанжарын екі жүзді қару қылсаң, / Аласың дұшпаныңның басын кесіп* (Бабалар сөзі, 2010d: 21). 'Если сделаешь свой кинжал оружием двулезвийным, / Сможешь отсечь голову своему врагу'.

В казахских героических эпосах, помимо приведенных выше примеров кинжалов с золотыми и серебряными рукоятями, встречаются сведения о кинжалах, инкрустированных пестрыми камнями (*шұбар тас қанжар*). Например, в версии Е. Ахметова эпоса *Мырзаши батыр* он описан: *Жайлататын шұбар тас қанжарменен, / Байлаулы жүреді екен сабыменен* (Бабалар сөзі, 2010d: 362). *Кинжалом с пестрым камнем, что поражает насмерть, / Он, привязанный, ходил вместе с рукоятью*.

Как видно из примера, для казахских воинов-батыров XIX в. кинжалы, декорированные камнями не являлись чем-то необычным. Согласно исследованиям К. С. Ахметжана, мастера-оружейники степи изготавливали кинжалы и ножи с использованием драгоценных металлов и камней (Ахметжан, 2007: 159–167). Подобные кинжалы и ножи в XIX в. находились в употреблении у ряда народов Азии, в частности у османских турок, народов Кавказа, Средней Азии и Индии (Милосердов, 2022: 303–309), с которыми казахи поддерживали торгово-экономические отношения.

Еще один вид кинжала, встречающийся в казахском фольклоре – это *бүктемелі қанжар*, что в переводе означает «складной кинжал». Так, данное оружие упоминается в эпосе *Тарғын батыр* как оружие (*екі бүктемелі қанжар*), которое главный герой тайно берет с собой, отправляясь к хану: «... *екі бүктемелі қанжарын жеңінің ішіне оңайға ұстап ханга келеді* ...» (Бабалар сөзі, 2007b: 84). «... *с двускладным кинжалом, скрытым под рукавом, он является к хану* ...». Судя по сообщению в эпосе, описывается конструкция бытового складного ножа-*бәкі*, клинок которого складывается внутрь рукояти. Примечательно, что термин *бәкі*, обозначающий у казахов складной нож, встречается в якутском героическом эпосе в форме *быһыйа*. Данное наименование восходит к корню *быһах* – «нож», и используется для обозначения небольших ножей (Попов, 2019: 107). Это позволяет предположить, что казахское *бәкі* могло первоначально употребляться в древнетюркских языках для обозначения небольших разновидностей ножей.

Вместе с тем, в эпосах эпизодически встречаются названия *бүктемелі семсер* – «складной меч» и *бүктемелі қылыш* – «складная сабля». Точно определить оружия по этим названиям не представляется возможным, поскольку письменные, археологические и иконографические материалы, подтверждающие существование такого оружия отсутствуют. Возможно, под этими названиями подразумевался обычный складной бытовой нож, который мог появиться у казахов в конце XIX – начале XX вв. и получить распространение под влиянием европейской и русской традиций (Ахметжан, 2017: 30).

Теперь в настоящем исследовании следует сказать несколько слов о цвете и внешнем оформлении короткоклинкового оружия в казахских героических эпосах. Так, в рассматриваемых нами эпосах встречается название *сары ала сесті қанжар*, что в переводе означает «пестро-желтый грозный кинжал». Например, данное оружие упоминается в эпосе *Таутік батыр: Ұшырды шабармандар ел үрейін*, / *Сары ала сесті келген қанжар тағып* (Бабалар сөзі, 2006a: 164). 'Гонцы наводили ужас на народ, Прибыв, опоясанные пестро-желтым грозным кинжалом'.

К сожалению, сказитель лишь кратко упоминает это оружие как кинжал, обращая внимание преимущественно на его внешнее оформление. В данном эпизоде эпоса речь идет об оружии посланцев цинского чиновника называемого Уи дутын, который в начале XIX в. был направлен к алтайским казахам из центра империи Цин. Японский историк Дзин Нода писал, что в начале XIX в. между цинскими властями и казахскими племенами Алтая складывались сложные отношения относительно пастбищных земель, велась дипломатическая переписка с казахскими султанами о кочевках и налогах на лошадей, цинские власти имели пограничные посты и отряды пограничников, которые охраняли цинские рубежи от казахских кочевников (Noda, 2016: 276–278). Поэтому обозначение «пестро-желтый грозный кинжал» мы рассматриваем как наи-

менованье кинжала с рукоятью, украшенной разноцветными камнями, необычного, нехарактерного для казахской традиции короткоклинкового оружия цинского военачальника.

Один из вопросов, связанных с кинжалом в казахских героических эпосах, заключается в том, что он выступает не только как предмет, выполняющий военно-боевую и утилитарную функцию, но и как элемент социальных отношений и реципрокности, закрепления дружеско-товарищеского договора. Например, в эпосе *Таути́к батыр* младший брат ойратского багатура Доржи – Хохлатый Усер-багатур, и казахский Таутик-батыр, подружившись, обмениваются конями и кинжалами: «Достықтың алғашқы бір белгісі» деп, / Ауысты аттары мен қанжарларын (Бабалар сөзі, 2006а: 148). «Как первый знак дружбы», – сказав, / Они обменялись конями и кинжалами.

Степные батыры издревле скрепляли дружеские отношения посредством обряда смешения крови, лизанием стрелы, сабли и ножа (Липец, 1984: 77). Кроме того, судя по эпизоду, наряду с боевым конем сам кинжал являлся ценным даром, что подчеркивает его высокую социальную значимость. В казахско-ойратских взаимоотношениях имели место не только военные конфликты, но и добрососедские отношения, сватовство между правящими элитами, а также дружеские связи между военачальниками и воинами-батырами.

О наличии дружеских и побратимских связей между ойратскими и казахскими батырами косвенно свидетельствуют письменные источники. Так, японский историк Дзин Нода в своей монографии «The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires» приводит ряд ценных сведений о казахско-джунгарских отношениях. В частности, имеются сведения о том, что крупный нойон Джунгарского хунтайджийства Амурсана в середине 1750-х гг., спасаясь от Цинской империи нашел убежище в казахских улусах, а казахские правители, несмотря на неоднократные требования цинских властей отказались выдать его. В конечном итоге казахский родоплеменной вождь-батыр Умир переправил его на территорию России (Noda, 2016: 127). Подобные отношения «товарищества» у степных батыров, как правило никогда не обходились без взаимного обмена подарками. Поэтому, не исключено, что в знак дружбы Амурсана и Умир заключили союз побратимства и могли обменяться между собой оружием.

В экспозиции Национального музея Республики Казахстан представлен уникальный, не имеющий известных аналогов на современном этапе исследований, кинжал (№ КРУМ ук ТК19 32392⁴) ритуального назначения, предположительно центральноазиатского происхождения. Клинок железный, двулезвийный, с линзовидным сечением, плавно сужающийся к острию. По центру клинка проходит ребро жесткости. На обеих сторонах полотна клинка зафиксированы знаки, напоминающие буквы, которые в настоящее время не поддаются расшифровке. Рукоять кинжала изготовлена из цельного нефрита и выполнена в антропоморфной форме, предположительно с изображением Будды. Навершие рукояти имеет куполообразную форму и напоминает сфероцилиндрический шлем. На поверхности проработаны черты лица, включая брови, глаза, нос, губы и удлиненные уши расположенные по бокам. Ниже размещены четыре кольцевидных пояска различного диаметра и оформления. Их поверхность украшена растительным орнаментом, концентрическими кольцами и косыми насечками. В нижней части рукояти оформлена Е-образная гарда, конструктивно составляющая единое целое с рукоятью кинжала. Поверхность гарды декорирована изображением киртимукхи и С-образными орнаментальными композициями. Общая длина кинжала – 44,8 см (в т. ч. длина клинка – 30,2 см, длина рукояти – 14,6 см), ширина клинка – 3,0 см. (см. рис. 1). Не исключено, что данный кинжал попал в казахскую среду в результате дарообменных практик и был преподнесен ойратским багатуром казахскому батыру.

⁴ Кинжал был случайно найден в 2019 г. на территории Акмолинской области Республики Казахстан соавтором настоящей статьи Б. Абдыгалиулы.

Рис. 1. Буддийский кинжал, инв. № ҚРҰМ уқ ТК19 32392, из коллекции Национального музея Республики Казахстан (фото К.К. Мусина): 1 – общий вид; 2 – рукоять кинжала.

Короткоклинковое оружие *қанжар* использовалось казахскими кочевниками не только в ближнем бою, но и на охоте. Так, А. И. Левшин, посетивший казахские аулы в 1820–1822 гг., в своей работе писал: «... отважные киргизы (казахи – У. А.), как говорят, выходят на бой с тигром без всякого другого оружия, кроме толстого стеганого халата, в левой руке и кинжала в правой. Халат накидывают зверю на голову, а кинжалом поражают его в бок, после чего он слабеет и истекает кровию» (Левшин, 1996: 384–385).

В фольклорных материалах также встречаются сюжеты о единоборстве героя с тигром. Так, в версии эпоса *Қамбар батыр* Ш. Калмагамбетова повествуется о том, как главный герой в одиночку убивает тигра: *Жолбарыс қандай азулы аң, / Тар тоғайда кездесіп, / Оған да табан тіредім. / Қайратпен жеңіп өлтіріп* (Бабалар сөзі, 2007а: 265). 'Тигр – свирепый хищный зверь, / В тугае встретился мне, / И к нему я устремился. / Силой одолев, убил его'.

Известно, что туранские тигры (*Panthera tigris virgata*) обитали в густых тугайных зарослях Сырдарьи вплоть до первой половины XX в. В этой связи приведенные свидетельства А. И. Левшина едва ли следует считать исключительно фольклорной гиперболизацией. Вероятно, они отражают реальные охотничьи практики казахов. Не исключено также, что сказители знакомые с подобными практиками добычи тигра искусными охотниками, переносили эти сюжеты на эпических героев своих произведений.

Одним из видов короткоклинкового оружия ближнего боя, упоминаемого в рассматриваемых героических эпосах и внешне сходного с кинжалом, является *пышақ* – «нож». В оружейведческих трудах высказывается мнение о том, что если кинжал носили ханы, султаны и знатные военачальники, то нож на поясе носили все воины, т. е. он был доступен всем членам кочевого общества (Ахметжан, 2021: 393).

Это косвенно подтверждается свидетельствами российского посла в Среднюю Азию начала XIX в. Я. П. Гавердовского, писавшего: «Ремесло военное признается киргизцами (казахами

– У. А.) благородным, а от сего и весь вообще народ оным занимается. Кто в силах управлять оружием, всегда должен носить при себе меч или, по крайней мере, нож, и по первом позыве родоначальников являться к ополчению» (История Казахстана, 2007: 433).

Со времен древних тюрков нож использовался кочевниками как вспомогательное оружие. В погребениях евразийских кочевников раннего и развитого Средневековья ножи и их детали встречаются очень часто (Иванов, Кригер, 1988: 14). Однако обнаружение ножей как в мужских, так и в женских погребениях позволило археологам отнести их к числу универсальных, бытовых инструментов. По сведениям Ч. Ч. Валиханова, нож носил на поясе каждый казах, а его рукоять изготавливалась из рога сайги, козьего рога или иргаевого дерева (Валиханов, 1985: 36). Кроме того, согласно музейным данным, для придания предметам прочности и декоративности их укрепляли серебром и медью (Курылев, 1978: 13).

Этимология слова *бічақ* ~ *пышақ* восходит к древнетюркским глаголам – *لک* *біч*, *бічкіл*, переводимым как «резать», «косить» (Курышжанов, 1970: 97). В письменных источниках термин встречается в *Кутадгу билиг* Юсуфа Баласагуни и *Диван лугат ат-Турк* Махмуда Кашгари. Так, в *Кутадгу билиг* нож обозначен как «**ВІСӚК**» (Наделяев и др., 1969: 98), а в словаре Кашгари он дан как «**бижак**» (Махмуд ал-Кашгари, 2005: 364). Если древнетюркский корень *біч*, обозначавший короткоклинковое колюще-режущее оружие, в казахском языке развился в форму *пышақ*, то в якутском языке он эволюционировал в форму *быһах*, сохранив начальный согласный «б» (Попов, 2019: 107, 110; Борисов, 2025: 200).

Подобно кинжалу, нож использовался в рукопашной схватке как вспомогательное оружие. В эпосах имеется несколько названий ножа. Например, в эпосе *Қисса Қамбар* упоминается *алмас пышақ*, что в переводе означает «нож из булатной стали»: *Алмас пышақ бізде бар, / Піскен қауын сізде бар* (Бабалар сөзі, 2007а: 63). 'Есть у нас нож из булатной стали, / Есть у вас спелая дыня'.

В эпосе *Базар батыр* встречается *болат пышақ*, который переводится как «булатный нож»: *Жатпайды қап түбінде болат пышақ* (Бабалар сөзі, 2010b: 255). 'Не останется на дне мешка булатный нож'.

В этом фрагменте говорится о магическом свойстве оружия, способного по поверьям древних кочевников самостоятельно выполнять свое предназначение и причинять вред. Это подтверждается археологическими материалами. Так, в погребениях восточных кыпчаков на Алтае XII – начала XIII вв. были обнаружены преднамеренно сломанные сабли, кинжалы и ножи. Ученые связывают эту практику с верованиями тюрков, согласно которым умерший в загробном мире мог брать в руки саблю или нож и способен нанести вред живым (Илюшин, 2017: 147).

Особого внимания в рассматриваемых примерах заслуживает термин *болат*. Как отмечалось в предыдущих исследованиях, данный термин применяемый в отношении различных видов длинноклинкового и короткоклинкавого оружия заимствован казахским и другими тюркскими языками из персидского слова *تالاد* *тулад*, означающего «сталь» (Рустемов, 1989: 72). Вместе с тем в якутском героическом эпосе данный термин в форме *болот* употребляется применительно к коротким двулезвийным мечам. В якутский язык он, по-видимому, проник через монгольскую форму *болут* (Попов, 2019: 109–110). Все это, на наш взгляд, позволяет предположить, что термин «булат» имел широкое распространение в тюркской языковой среде Южной Сибири и Евразии уже в раннем Средневековье и употреблялся как обозначение стали, а посредством метонимического переноса и изготовленного из нее клинкового оружия.

Особое внимание в эпосах привлекает нож называемый *қожанты*. Встречается также вариантное наименование *қожат*, обозначающее тот же нож. Например, в эпосе *Қисса Нәрікбай-Шора* данный нож упоминается в руках жены главного героя Чуры – Кульканыс: *Үйде отырған Құлқаныс, / Қожанты пышақ қолында* (Бабалар сөзі, 2007b: 158). 'Кулканыс, сидевшая дома, С ножом-кожанты в руке'.

В тексте не раскрываются конструктивные особенности предмета. В лексике казахов Семиречья и южных регионов он определяется как «большой нож» (Қазақ тілінің аймақтық сөздігі,

2005: 413). По всей видимости, название *қожанты* восходит к топониму «Ходжент», где производились клинки высокого качества. Если учитывать, что эпос *Қисса Нәрікбай-Шора* исполнялся во второй половине XIX в. в южных областях нынешнего Казахстана и Семиречья, то в этот период эти территории входили в состав Кокандского ханства, а ножи из Ходжента находились в употреблении у южных казахов. Действительно, письменные источники свидетельствуют о том, что в XIX в. ножи города Ура-Тюбе Ходжентского уезда (нынешняя Согдийская область Республики Таджикистан) отличались высоким качеством, а местные мастера специализировались на их изготовлении. Другими словами, Ходжентский уезд, в особенности город Ура-Тюбе, являлся важнейшим центром ножевого производства в Средней Азии, а его продукция была известна также в центральных областях Российской империи (Турсунов, 2014: 168–169; Милосердов, 2022: 308).

Следующий вид ножа – это нож, называемый *бұйда*. В эпосе *Жантай батыр* он воспет как один из видов оружия ойратского племени торгутов, соседствовавшего с казахами в Сарыарке: *Селебе, бұйда пышақ, қанжар, қылыш, / Таратқан үй басына қаурыт бөліп* (Бабалар сөзі, 2010b: 338). ‘Селебе, нож-бұйда, кинжал, сабля, Поспешно раздавали по каждому дому’.

Разумеется, в этом фрагменте эпоса понятно, что казахский сказитель назвал нож торгутов таким образом, используя одно из казахских наименований ножа, чтобы оно было понятно окружающей его слушательской аудитории. Ч. Ч. Валиханов в своих записях специально упоминает этот нож следующим образом: «Нож, буйда печак (т. е. *пышақ*), был у каждого киргиза (казаха – У. А.) с ручкой из сайгачьего или козлиного рогу, или из иргаевого дерева, и был прикреплен на кольцо» (Валиханов, 1985: 36). По всей видимости, речь идет о наиболее распространенном типе ножа, который был широко доступен каждому представителю общества.

В древнетюркских источниках, в т. ч. в словарях Махмуда Кашгари, этот термин фиксируется как *bögdä*, *buğdā* и рассматривается как одно из наименований «кинжала» (Наделяев и др., 1969: 116; 218). Но в казахской традиционной культуре, данное наименование, по-видимому стало употребляться и в отношении ножа. Следовательно, есть основания полагать, что до этнографического времени одним из названий дополнительного вспомогательного оружия казахских воинов в ближнем бою был известный еще с древнетюркской эпохи нож-*бұйда*.

Следует отметить, что в якутских героических эпосах также фиксируется название ножа *бадаайы*, имеющее определенное сходство с рассматриваемым термином. Якутские исследователи определяют *бадаайы* как «большой якутский нож» и отмечают, что он предназначен «для долбления льда, рубки молодой лиственницы, тальника, разделки мяса, крупной дичи». Длина его клинка составляет 21–24 см (Борисов, 2025: 201).

В эпосах упоминается также *орақ пышақ*, что переводится как «нож-серб». Например, в эпосе *Қарасай, Қазы* в версии А. Байтабынова этот нож упоминается в словах Карасай-батыра: *Қазы шықты қуанып, / Орақ пышақ қолға алып* (Бабалар сөзі, 2007a: 100). ‘Қазы вышел обрадованный, Взяв в руки нож-серб’. В приведенном фрагменте сказитель здесь акцентирует внимание не на колющей, а на режущей, рассекающей особенности оружия. Серповидные ножи встречаются и в археологических материалах. Так, из погребений кочевников восточного Дешт-и-Кыпчака домонгольского времени происходят ножи с изогнутым, напоминающим серп клинком (Иванов, Кригер 1988: 15; рис. 3). Соответственно, можно предположить, что у кочевников Нового и этнографического времени находились в употреблении ножи с изогнутыми клинками.

В фольклорных материалах, помимо названий ножей, имеются сведения об их декоративных особенностях, об остроте клинков и качестве стали калмыцких ножей. Например, в эпосе *Арқалық батыр* калмыцкий багатур Карамерген преподносит Арқалық-батыру *асыл кездік*, т. е. «благородный нож-кездік», именуемый также *асыл құрыш сары пышақ* – «желтый нож из благородной стали»: *Бір асыл кездігім бар мен соқтырған, / Қырық ошақтан қорытып құрыш қылған. / Темірді жайынша турап талқандайды, / Берейін кездігімді, досым, саған! / «Әкел!»*

деп қатынына әмір қылды, / Қатыны кебежеден алып келді. / Сар пышақ жарқырайды асыл құрыш (Бабалар сөзі, 2010с: 272). ‘Есть у меня один кованый благородный нож-кездік, / Переплавленный клинок из сорока очагов. / Железо он, словно масло крошит в прах. / Отдам свой нож-кездік тебе, друг мой! / “Принеси”, приказал он своей жене. / Жена вынула его из сундука и принесла. / Сияет желтый нож из благородной стали’.

Во фрагменте эпоса сказитель стремился показать слушателям дружеские отношения между калмыцким багатуром и казахским батыром в контексте реципрокции, выраженной в дарении ножа, тем самым высоко оценивая «желтый нож» калмыцкого багатура Карамергена. Одновременно сказитель стремится как можно яснее показать слушателю, что нож являлся оружием, изготовление которого требовало большого мастерства, а сам он отличался высоким качеством и чрезвычайной остротой.

Важным моментом в эпизоде эпоса является тот факт, что, как уже отмечалось выше, между калмыцкими нойонами и казахскими элитами существовали не только военные конфликты, но и союзы (в т. ч., брачные), мирные отношения и др. Как отмечает японский исследователь Дзин Нода, в 1730–1731 гг. между торгутами и казахами Младшего жуза существовали союзнические отношения. В частности, торгутский нойон Лузан Шуно поддерживал союзнические связи с ханом Младшего жуза казахов Абулхаиром, а дочь Абулхаира была замужем за Шуно (Noda, 2016: 108).

Ножи *кездік* упоминаются и в других эпических сюжетах. Так, в эпосе *Қисса қара қасқа атты Қамбар* у противника Камбар-батыра имеется *алтын кездік*, что в переводе означает «золотой нож-кездік: *Алтын кездік менде бар, / Әуестікке қолға алып, / Жардырмаққа келгенмін* (Бабалар сөзі, 2007а: 185). ‘Есть у меня золотой нож-кездік, / Взял его в руки из любопытства, / Пришел, чтобы рассечь’.

Теперь рассмотрим вопрос о происхождении термина. В словаре В. В. Радлова указано, что «*kāzlik*» в казахском языке обозначает «маленький ножикъ», а в чагатайском – «маленький карманный ножикъ» (Радлов, 1889: 1180). Также существует мнение, что нож-кездік использовался казахами на охоте (Ахметжанов, 1996: 96; Ахметжан, 2007: 109).

Согласно словарю Махмуда Кашгари *Диван лугат ат-Турк*, «казлик – *كازلك*» определяется как «маленький нож, который женщины носят с собой, прикрепляя к верхнему платью» (Махмуд ал-Кашгари, 2005: 444). Согласно интерпретации Т. В. Лосева-Бахтияровой, этимология слова восходит к древнетюркскому *kez* в значении «зарубка» или «прорезь стрелы». Следовательно, термин *kezlik* означает небольшой нож, предназначенный для изготовления зарубок на стреле (Лосева Бахтиярова, 2005: 108). Обобщая приведенные данные можно предположить, что нож-кездік у древних тюрков изначально применялся в изготовлении тонких и изящных изделий, в т. ч. оружия, а впоследствии получил широкое распространение в женском быту.

В эпосе именно нож-кездік чаще всего оказывается в руках женщины или связан с женскими персонажами. Например, в эпосе *Арқалық батыр* в версии Е. Кулсариева дочь торгутского хана Малика Бикеш тайно приходит к попавшему в плен к торгутам Аркалык-батыру и оставляет ему *болат кездік*, т. е. булатный нож-кездік: *Бұл жерде гашықлыққа сабыр еттім, / Бір болат кездік сізге тарту еттім* (Бабалар сөзі, 2010с: 391). *Здесь я сдержала себя ради любви, / Один болатный нож-кездік преподнесла вам в дар.*

Помимо этого, в эпосе *Мырзаи батыр* в версии Н. Кадырмоллаулы, две сестры Гульсим и Кайша метафорически уподобляются образу *күміс қынды алтын кездік*, что в переводе означает «золотой нож-кездік с серебряными ножами»: *Алтын кездік екі қыз күміс қыннан, / Жаралған деп айтарсыз тұтас нұрдан* (Бабалар сөзі, 2010d: 224). ‘Две девушки – золотой нож-кездік с серебряными ножами, / Скажете вы, что они сотворены из цельного света’. Из этих данных видно, что нож-кездік, в материальной культуре древних тюрков преимущественно связывавшийся с женщиной, сохранял свои реликтовые проявления вплоть до конца Нового времени.

Выводы

Следует отметить, что рассмотренные нами на материале казахских героических эпосов наименования короткоклинкового оружия, их морфологические особенности, а также военно-политические, социальные, статусные и ритуальные функции соответствуют военной системе и комплексу вооружения Казахстана и народов сопредельных регионов периода позднего Средневековья, Нового времени и этнографического периода.

Несомненно, фольклорные произведения обычно характеризуются гиперболизацией, мультипликацией, анахронизмами и идеализацией персонажей. Тем не менее выявление в эпосах отдельных материальных компонентов, отражающих подлинные этнокультурные реалии общества, породившего данные нарративы, представляет собой актуальную задачу как для оружиеведения, так и для исторической науки в целом.

В комплексе вооружения кочевников Великой степи кинжалы и ножи выполняли роль полифункционального оружия, сочетавшего боевые и хозяйственные функции. До конца этнографического периода они оставались неотъемлемой частью традиционной одежды, являясь материальным воплощением «мужественности», «свободы», «статуса». Кроме того, кинжал и нож занимали значительное место не только в материальной культуре кочевников, но и в духовной жизни, где они употреблялись в абстрактном значении; вокруг них складывались различные обряды, а также метафорические сравнения. В целом, материалы казахских героических эпосов могут быть использованы в рамках комплексного анализа источников, посвященных изучению военно-культурного наследия тюркских и монгольских народов Евразии в указанном историческом периоде. Из этих данных можно получить обширные сведения не только о вооружении, но и о внешнем облике, одежде, а также успехах казахских и ойратских воинов и других аспектах.

Литература

Ағатай, Сабитов, 2022 – Ағатай У.М., Сабитов Ж.М. Корпусное защитное вооружение кочевников в ногайлинско-казахских героических эпосах. *Bylye Gody*. 2022, 17(4), С. 1500–1512. <https://doi.org/10.13187/bg.2022.4.1500>

Ахметжан, 2007 – Ахметжан К.С. *Этнография традиционного вооружения казахов*. Алматы: «Алматыкітап», 2007. 216 с.

Ахметжан, 2017 – Ахметжан К.С. Казахские традиционные ножи (особенности и типология). Утепова П.А. (ред.). *Великая степь: Военная история: материалы научно-практической конференции* (Астана, 14 декабря 2016 г.). Астана: РГУ «Национальный военно-исторический музей», 2017. С. 24–33.

Ахметжан, 2021 – Ахметжан К.С. Казахские кинжалы и тесаки (исследование на основе музейных и иконографических материалов). Жуматаев Р.С. (отв. ред.) *XIII Оразбаев оқулары: материалы международной научно-методической конференции* (Алматы, 20-21 мая). Алматы: «Қазақ университеті», 2021. С. 384–399.

Ахметжанов, 1996 – Ахметжанов Қ.С. *Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері)*. Алматы: «Дәуір», 1996. 256 б. (на казахском яз.)

Бабалар сөзі, 2006а – Алпысбаева Қ., Рақыш Ж. т. б. (ред.) *Бабалар сөзі*: 100 т. Т. 27. Астана: «Фолиант», 2006. 480 б. (на казахском яз.)

Бабалар сөзі, 2006б – Алпысбаева Қ., Рақыш Ж. т. б. (ред.) *Бабалар сөзі*: 100 т. Т. 29. Астана: «Фолиант», 2006. 400 б. (на казахском яз.)

Бабалар сөзі, 2007а – Алпысбаева Қ., Рақыш Ж. т. б. (ред.) *Бабалар сөзі*: 100 т. Т. 43. Астана: «Фолиант», 2007. 416 б. (на казахском яз.)

Бабалар сөзі, 2007б – Алпысбаева Қ., Рақыш Ж. т. б. (ред.) *Бабалар сөзі*: 100 т. Т. 45. Астана: «Фолиант», 2007. 465 б. (на казахском яз.)

Бабалар сөзі, 2008 – Алпысбаева Қ., Рақыш Ж. т. б. (ред.) *Бабалар сөзі*: 100 т. Т. 51. Астана: «Фолиант», 2008. 448 б. (на казахском яз.)

Бабалар сөзі, 2010а – Алпысбаева Қ., Рақыш Ж. т. б. (ред.) *Бабалар сөзі*: 100 т. Т. 59. Астана: «Фолиант», 2010. 400 б. (на казахском яз.)

Бабалар сөзі, 2010b – Алпысбаева Қ., Рақыш Ж. т. б. (ред.) *Бабалар сөзі*: 100 т. Т. 60. Астана: «Фолиант», 2010. 448 б. (на казахском яз.)

Бабалар сөзі, 2010с – Алпысбаева Қ., Рақыш Ж. т. б. (ред.) *Бабалар сөзі*: 100 т. Т. 61. Астана: «Фолиант», 2010. 480 б. (на казахском яз.)

Бабалар сөзі, 2010d – Алпысбаева Қ., Рақыш Ж. т. б. (ред.) *Бабалар сөзі*: 100 т. Т. 63. Астана: «Фолиант», 2010. 456 б. (на казахском яз.)

Бобров, Агатай, 2023 – Бобров Л.А., Агатай У.М. Могоульский или ранний казахский шлем XV – начала XVII вв. из собрания Зайсанского историко-краеведческого музея. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 2023, (15), С. 687–697. <https://doi.org/10.53737/4288.2023.68.82.026>

Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. *Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.)*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Борисов, 2025 – Борисов Ю.П. Оружие ближнего боя в ранних записях якутского олонхо: историко-сравнительный аспект. *Этнография*. 2025, 2(28), С. 182–207. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2\(28\)-182-207](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2(28)-182-207)

Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. *Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи*. В кн.: Валиханов Ч.Ч. *Собрание сочинений*: в 5 т. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 4. С. 35–39.

Записки, 1867 – Алексомати Х. (ред.) *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 6. Одесса: Городская типография, 1867. 648 с.

Иванов, Кригер, 1988 – Иванов В.А., Кригер В.А. *Курганы кыпчакского времени на южном Урале (XII–XIV вв.)*. М.: Наука, 1988. 92 с.

Илюшин, 2017 – Илюшин А.М. Комплекс вооружения кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-3). *Археология Евразийских степей*. 2017, (5), С. 144–151.

История Казахстана, 2006 – Ерофеева И.В. (ред.) *История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.*: в 10 т. Т. 6, ч. 2. / пер. с нем. Ерофеевой И.В. Алматы: «Санат», 2006. 312 с.

История Казахстана, 2007 – Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т. (ред.) *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков*. Т. 5. Алматы: «Дайк-Пресс», 2007. 620 с.

Каразин, 1874 – Каразин Н.Н. Оружие и доспехи наших противников в Средней Азии. *Нива*. 1874, 15, С. 233–235.

Курылев, 1978 – Курылев В.П. Оружие казахов. В кн.: Абрамзон С.М., Лавров Л.И. (ред.) *Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана*: сборник Музея археологии и этнографии. Т. 34. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 4–22.

Курышжанов, 1970 – Курышжанов А.К. *Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – тюркско-арабского словаря*. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1970. 232 с.

Кушкумбаев, 2013 – Кушкумбаев А.К. *Клиновое оружие воинов Золотой Орды: мечи, палаши, сабли, кинжалы, ножи (проблемы изучения)*. В кн.: Кушкумбаев А.К. (ред.) *Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени: сборник научных статей*. Астана: BG-print, 2013. С. 55–69.

Қазақ тілінің аймақтық сөздігі, 2005 – Қалиев Ғ, Нақысбеков О., Сарыбаев Ш. және т.б. (ред.) *Қазақ тілінің аймақтық сөздігі*. Алматы: «Арыс», 2005. 824 б. (на казахском яз.)

Левшин, 1996 – Левшин А.И. *Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей*. Алматы: «Санат», 1996. 656 с.

Липец, 1984 – Липец Р.С. *Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе*. М.: «Наука», 1984. 264 с.

Лосева-Бахтиярова, 2005 – Лосева-Бахтиярова Т.В. Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005. 293 с.

Махмуд ал-Кашгари, 2005 – Махмуд ал-Кашгари. *Диван Лугат ат-Турк* / пер. с араб.; под ред. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. 1288 с.

Милосердов, 2022 – Милосердов Д.Ю. Короткоклиновое оружие в ханствах Средней Азии (Бухара, Хива, Коканд) конца XVIII – начала XX вв. В кн.: *Мир оружия: история, герои, коллекции*: материалы

X Международной научно-практической конференции (Тула, 26–28 октября, 2022 г.). Воронеж: Тульский государственный музей оружия, 2023. С. 302–312.

Наделяев и др., 1969 – Наделяев В.М. и др. *Древнетюркский словарь*. Л.: Наука, 1969. 677 с.

Попов, 2019 – Попов В.Г. Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2019, 1(26), С. 106–116. <https://doi.org/10.25693/SVGV.2019.01.26.016>

Радлов, 1889 – Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. 2, ч. 2. СПб: Императорская Академия наук, 1889. 451 с.

Рустемов, 1989 – Рустемов Л.З. *Казахско-русский толковый словарь арабо-иранских заимствованных слов*. Алма-Ата: «Мектеп», 1989. 320 с.

Турсунов, 2014 – Турсунов Н.О. Этнокультурные аспекты использования традиционных ножей у таджиков (в свете данных письменных источников и литературы на русском языке периода XVI – начала XX вв.). *Вестник ТГУПИП. Серия гуманитарных наук*. 2014, 3(59), С. 165–174.

Уалиев, Кушкумбаев, 2024 – Уалиев Т.А., Кушкумбаев А.К. К вопросу об изучении казахских вариантов преданий об Идеее. *Золотоордынское обозрение*. 2024, 4(12). С. 782–813. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813>

Noda, 2016 – Noda J. *The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Leiden; Boston: Brill, 2016. 350 p. (на англ. яз.)

References

Agatay OM., Sabitov ZhM. The Body Defensive Arms of Nomads in Noghaic-Kazakh Heroic Epos. *Bylye Gody*. 2022, 17(4), pp. 1500–1512. (in Russian). <https://doi.org/10.13187/bg.2022.4.1500>

Akhmetzhan KS. *Ethnography of Kazakh Traditional Weaponry*. Almaty: Almatykitap LLP Publ., 2007. 216 p. (in Russian)

Akhmetzhan KS. Kazakh Traditional Knives Features and Typology. In: Utepova PA. (ed.) *The Great Steppe: Military History. Conference Proceedings*. (Astana, December 14, 2016). Astana: Republican State Institution “National Military Historical Museum”, 2017, pp. 24–33. (in Russian)

Akhmetzhan KS. Kazakh Daggers and “Selebe” (Based on Museum and Visual Materials). In: R.S. Zhumatayev (ed.) *13th Orazbaev Readings: International Scientific and Methodological Conference Proceedings*. (Almaty, May 20–21, 2021). Almaty, Qazaq University, 2021, pp. 384–399. (in Russian)

Akhmetzhanov KS. *Those Who Wear Iron (Weapons of Heroes, Military Art, Traditions)*. Almaty: Daur Publ., 1996. 256 p. (in Kazakh)

Babalar sozi: 100 Volumes [Ancestral Words: In 100 Vols.]. K. Alpysbaeva, Zh. Rakysh et al. (comps.). Astana: “Foliant” Publ., 2006. Vol. 27. 480 p. (in Kazakh)

Babalar sozi: 100 Volumes [Ancestral Words: In 100 Vols.]. K. Alpysbaeva, Zh. Rakysh et al. (comps.). Astana: “Foliant” Publ., 2006. Vol. 29. 400 p. (in Kazakh)

Babalar sozi: 100 Volumes [Ancestral Words: In 100 Vols.]. K. Alpysbaeva, Zh. Rakysh et al. (comps.). Astana: “Foliant” Publ., 2007. Vol. 43. 416 p. (in Kazakh)

Babalar sozi: 100 Volumes [Ancestral Words: In 100 Vols.]. K. Alpysbaeva, Zh. Rakysh et al. (comps.). Astana: “Foliant” Publ., 2007. Vol. 45. 465 p. (in Kazakh)

Babalar sozi: 100 Volumes [Ancestral Words: In 100 Vols.]. K. Alpysbaeva, Zh. Rakysh et al. (comps.). Astana: “Foliant” Publ., 2008. Vol. 51. 448 p. (in Kazakh)

Babalar sozi: 100 Volumes [Ancestral Words: In 100 Vols.]. K. Alpysbaeva, Zh. Rakysh et al. (comps.). Astana: “Foliant” Publ., 2010. Vol. 59. 400 p. (in Kazakh)

Babalar sozi: 100 Volumes [Ancestral Words: In 100 Vols.]. K. Alpysbaeva, Zh. Rakysh et al. (comps.). Astana: “Foliant” Publ., 2010. Vol. 60. 448 p. (in Kazakh)

Babalar sozi: 100 Volumes [Ancestral Words: In 100 Vols.]. K. Alpysbaeva, Zh. Rakysh et al. (comps.). Astana: “Foliant” Publ., 2006. Vol. 61. 480 p. (in Kazakh)

Babalar sozi: 100 Volumes [Ancestral Words: In 100 Vols.]. K. Alpysbaeva, Zh. Rakysh et al. (comps.). Astana: “Foliant” Publ., 2010. Vol. 63. 456 p. (in Kazakh)

Bobrov LA., Agatay OM. A Moghul or Early Kazakh Helmet of the 15th – Early 17th Century From the Collection

of Zaisan Regional Museum of Local History). *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2023, (15), pp. 687–697 (in Russian). <https://doi.org/10.53737/4288.2023.68.82.026>

Bobrov L.A., Khudyakov YuS. *The Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th – the first half of the 18th century)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2008. 776 p. (in Russian)

Borisov Yu. Melee Weapons in Early Records of the Yakut Olonkho: Historical and Comparative Perspectives. *Etnografia*. 2025, 2(28), pp. 182–207 (in Russian). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2\(28\)-182-207](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2(28)-182-207)

Valikhanov ChCh. *The Armament of the Kirghiz in Ancient Times and Their Military Armor*. In: Valikhanov ChCh. *Collected Works*. In 5 vols. Vol. 4. Alma-Ata: Chief Editorial Board of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985, pp. 35–39. (in Russian)

Alexomatis H. (ed.) *Transactions of the Odessa Society of History and Antiquities*. Vol. 6. Odessa: City Printing House, 1867. 648 p. (in Russian)

Ivanov V.A., Kriger V.A. *Kypchak Barrows in the Southern Urals (12th–14th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ., 1988. 92 p. (in Russian)

Ilyushin A.M. The Armament Complex of Nomads from Eastern Dast-i-Kipchak (Based on Materials from the Excavations of Musokhranovo – 3 Barrow Group). *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2017, (5), pp. 144–151. (in Russian)

Erofeeva IV. (ed.) *History of Kazakhstan in Western Sources of the 12th–20th Centuries*: in 10 Vols. Vol. 6, part 2 (transl. from German Erofeeva IV.). Almaty: Sanat Publ., 2006. 312 p. (in Russian)

Erofeeva IV., Zhanaev B.T. (eds.) *History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th–20th Centuries*. Vol. 5. Almaty: Daik-Press Publ., 2007. 620 p. (in Russian)

Karazin N.N. Weapons and Armor of Our Enemies in Central Asia. *Niva*. 1874, 15, pp. 233–235. (in Russian)

Kurylev V.P. Weapons of the Kazakhs. In: Abramzon S.M., Lavrov L.I. (eds.) *Material Culture and Economy of the Peoples of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan*: Collection of the Museum of Archaeology and Ethnography. Vol. 34. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad branch, 1978, pp. 4–22. (in Russian)

Kuryshzhanov A.K. *A Study of the Vocabulary of a 13th – Century Old Kipchak Written Monument: A Turkic-Arabic Dictionary*. Alma-Ata: Nauka Publ., House of the Kazakh SSR, 1970. 232 p. (in Russian)

Kushkumbaev A.K. *Bladed Weapons of Golden Horde Warriors: Swords, Broadwords, Sabers, Daggers, and Knives (Problems of Study)*. In: Kushkumbaev A.K. (ed.) *Warfare of Nomads of Kazakhstan and Adjacent Countries in the Medieval and Modern Periods*: Collection of Research Articles. Astana: BG-print Publ., 2013, pp. 55–69. (in Russian)

Kaliev G., Nakysbekov O., Sarybaev Sh. et al. (eds.) *Regional Dictionary of the Kazakh Language*. Almaty: Arys Publ., 2005. 824 p. (in Kazakh)

Levshin A.I. *Description of the Kirghiz-Kazakh, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppes*. Almaty: Sanat Publ., 1996. 656 p. (in Russian)

Lipic R.S. *The Images of the Batyr and His Horse in the Turkic-Mongolian Epic*. Moscow: Nauka Publ., 1984. 264 p. (in Russian)

Loseva-Bakhtiyarova T.V. Military Vocabulary of the Turkic Languages (Names of Weapons). Candidate’s dissertation (Philology). Moscow: Moscow State University, 2005. 293 p. (in Russian)

Mahmud al-Kashgari. *Diwan Lughat al-Turk / Auezova Z.-A.M.* (ed.; transl. from Arabic). Almaty: Daik-Press Publ., 2005. 1288 p. (in Russian)

Miloserdov D.Yu. Short-Bladed Weapons in the Khanates of Central Asia (Bukhara, Khiva, Kokand) from the Late 18th to Early 20th Centuries. In: *The World of Weapons: History, Heroes, Collections. Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference*. (Tula, October 26–28, 2022). Voronezh: Tula State Museum of Weapons, 2023, pp. 302–312. (in Russian)

Nadeliaev V.M., et al. *Ancient Turkic Dictionary*. Leningrad: “Nauka” Publ., 1969. 677 p. (in Russian)

Popov V.G. The Names of Ancient Yakut Edged Weapons as an Object of Comparative Research. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2019, 1(26), pp. 106–116 (in Russian). <https://doi.org/10.25693/SVG.2019.01.26.016>

Radlov V.V. *Experience of the Dictionary of Turkic Dialects*. Vol. 2, part 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1889. 451 p. (in Russian)

Rustemov L.Z. *Kazakh-Russian Explanatory Dictionary of Arabic-Iranian Loanwords*. Alma-Ata: “Mektep” Publ., 1989. 320 p. (in Russian)

Tursunov NO. Ethnocultural Aspects of the Use of Traditional Knives among Tajiks (Based on Written Sources and Russian-Language Literature of the 16th – Early 20th Centuries). *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences*. 2014, 3(59), pp. 165–174. (in Russian)

Ualiyev TA., Kushkumbayev AK. Studying Kazakh Versions of the Legends About Edige. *Golden Horde Review*. 2024, 4(20), pp. 782–813 (in Russian). <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813>

Noda J. *The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Leiden; Boston: Brill, 2016. 350 p.

Об авторах

Ағатай Уткирбай Мылтықбайұлы, доктор PhD, старший научный сотрудник научно-исследовательского института Культурного наследия Национального музея Республики Казахстан; ведущий научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи, ORCID: 0000-0002-8840-010X, e-mail: agatayotkirbay@gmail.com

Абдығалиұлы Берик, кандидат политических наук, директор Национального музея Республики Казахстан, ORCID: 0009-0001-8534-7964, e-mail: aberik.kz@gmail.com

Сабитов Жаксылық Муратович, доктор PhD, руководитель Научного института изучения Улуса Джучи, ORCID: 0000-0001-7186-156X, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

About the authors

Otkirbay M. Agatay, PhD, Senior Research Fellow, Research Institute of Cultural Heritage, National Museum of the Republic of Kazakhstan; Leading Research Fellow, Institute for the Study of Jochi Ulus, ORCID: 0000-0002-8840-010X, e-mail: agatayotkirbay@gmail.com

Berik Abdigaliuly, Cand. Sci. (Political Science), Director, National Museum of the Republic of Kazakhstan, ORCID: 0009-0001-8534-7964, e-mail: aberik.kz@gmail.com

Zhaxylyk M. Sabitov, PhD, Head of the Institute for the Study of Jochi Ulus, ORCID: 0000-0001-7186-156X, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

Вклад авторов / Authors' contribution

Ағатай У.М. – разработка концепции исследования, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, руководство исследованием

Абдығалиұлы Б. – проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Сабитов Ж.М. – создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Otkirbay M. Agatay – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, supervision

Berik Abdigaliuly – methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing

Zhaxylyk M. Sabitov – writing – original draft, writing – review & editing

Конфликт интересов / Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 28.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.08.2026

Принята к публикации / Accepted 10.09.2026